

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

А. А. Казанцев

Угроза международного терроризма на центральноазиатско-афганском направлении: ключевые факторы

Казанцев Андрей Анатольевич, д-р. полит. наук,
директор Аналитического центра
Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются факторы, которые связаны с ростом угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. Автор выделяет и анализирует следующие ключевые факторы: 1. Угрозу возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего с Ближнего Востока. 2. Рост нестабильности в Афганистане, создающий угрозу вторжения боевиков в государства постсоветской Центральной Азии. 3. Критически опасное сочетание ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: «хрупкость» ряда государств, большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие межгосударственных противоречий как между странами Центральной Азии, так и между вовлечёнными в регион великими державами. 4. Серьёзный потенциал развития религиозного экстремизма, который сложился в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также в ряде регионов Казахстана и Киргизии.*

***Ключевые слова:** Центральная Азия, Афганистан, наркоторговля, внутренние и внешние угрозы, религиозный экстремизм.*

В настоящее время наблюдается значительный рост угрозы терроризма на центральноазиатско-афганском направлении. В связи с этим важной задачей как в чисто академическом плане (с точки зрения анализа эволюции новых вызовов и угроз безопасности), так и в плане прикладном (с точки зрения определения приоритетов внешней политики РФ и политики в сфере безопасности) является изучение ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие данной угрозы.

Угроза возврата центральноазиатских боевиков с Ближнего Востока

В октябре 2015 г. В. В. Путин на заседании Совета глав государств – участников СНГ заявил, что «на стороне ИГИЛ¹ уже воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ»². На тот момент официально объявленная ФСБ России оценка числа российских боевиков, воюющих на стороне ИГ в Сирии и Ираке, составляла 2 400 человек³. Следовательно, ещё порядка 2 600–4 500 боевиков приходится на другие страны постсоветского пространства. При этом из оценок международных экспертов хорошо известно, что основная масса этих боевиков происходит из центральноазиатских стран [15].

Однако центральноазиатские (как и кавказские боевики) воюют на Ближнем Востоке не только за ИГ. В Сирии и Ираке представлено довольно больше число этнических группировок

¹ ИГИЛ (ИГ) – организация, запрещенная в РФ.

² Заседание Совета глав государств СНГ. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 октября 2015 г., URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515>

³ Официальная оценка ФСБ на тот момент – см. ТАСС, 18.09.2015, URL: <http://tass.ru/politika/2272750>.

с участием выходцев из Центральной Азии («Джамаат Имам Бухари», «Джейш-аль-Мухаджирин», «Джамаат Сайфулла Шишани», «Таухид валь-Джихад» и т. д.).

По данным за декабрь 2015 г. базирующейся в США «Суфан групп»⁴, количество боевиков, выехавших из стран Центральной Азии в Сирию и Ирак, составляет:

Таблица 1

Число боевиков из стран Центральной Азии в Сирии и Ираке

Страна	Число боевиков
Узбекистан	500
Киргизия	500
Таджикистан	386
Туркменистан	360
Казахстан	300
Всего	2046

Важно осознавать, что на каждого боевика, воюющего в Сирии и Ираке, приходится сотни сочувствующих в разного рода «спящих ячейках» террористической сети на местах. Эти люди, как и возвращающиеся боевики, получившие боевой опыт, могут быть использованы для проведения терактов, организации беспорядков или даже партизанских действий. Как указал известный киргизский эксперт и богослов Кадыр Маликов (потом это подтвердили таджикские структуры), только ИГ выделила порядка 70 млн долл. на подрывную работу в Центральной Азии⁵. Однако российские эксперты фиксируют активизацию притока средств во все страны постсоветского пространства (в контексте противостояния операции России в Сирии) по совершенно разным каналам, связанным с распространением религиозного экстремизма, а отнюдь не только по каналам ИГ.

Ситуация в Афганистане и угроза странам Центральной Азии

Выходцы из Центральной Азии участвуют в боевых действиях не только на Ближнем Востоке, но и в ряде других стран и регионов мира (Афганистан, Пакистан, Ливия, и т. п.). При этом за последние пару лет произошло перебазирование большого количества международных боевиков-террористов в Северный Афганистан из Северо-Западного Пакистана [10].

В последние годы за счёт усилий целого ряда международных игроков (прежде всего, Саудовской Аравии и Катара) сложилось определённое взаимодействие между тяжелой ситуацией в Афганистане и на Ближнем Востоке: в Йемене, Ираке и Сирии, где имеет место противостояние блока во главе с Саудовской Аравией (его условно называют «суннитским», и он недавно был официально оформлен как «альянс исламских государств против терроризма»⁶) блоку во главе с Ираном (его условно называют «шиитским», и он официально не оформлен). Ряд источников полагает, что упомянутое выше перебазирование боевиков из Пакистана в Афганистан произошло на саудовские деньги с целью подготовки боевиков либо для действий против Ирана (Иран активно нанимал афганских хазарейцев-шиитов с целью использования их как боевиков на Ближнем Востоке), либо против шиитов на месте (ИГ и «Аль-Каида» активно организуют теракты против шиитов в Пакистане и Афганистане), либо для последующей переброски боевиков на Ближний Восток. Этот перенос войны с Ближнего Востока на Афганистан представляет серьёзную угрозу бывшим советским республикам Центральной Азии.

Особую тревогу представляет то, что в контексте российской военной операции в Сирии го-

⁴ The Soufan Group. Foreign fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. December 2015, URL: http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate_FINAL.pdf

⁵ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило 70 млн долл. на создание своих ячеек в Афганистане, URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 млн долл. Какова доля Казахстана? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>. В последней сноске даётся текст выступления известного специалиста по Центральной Азии и Афганистану А. Князева, который утверждает, что основная часть этих денег пришла из Катара, а, для сравнения, по его оценке, весь бюджет иностранных влияний в «революцию тюльпанов» в Киргизии мог составлять всего порядка 5 млн долл.

⁶ URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/17/saudi-arabias-islamic-military-alliance-against-terrorism-makes-no-sense/>

сударства Саудовского блока оказались дополнительно заинтересованы в дестабилизации России и постсоветского пространства. В частности, с этим связан приход в последнее время в Афганистан с Ближнего Востока «больших денег», например, по данным «Аль-Джазирь», боевики ИГ получают в 10 раз больше, чем боевики Талибана. «Аль-Джазира» также привела ходящие в Афганистане слухи о том, что проникновение ИГ в Афганистан произошло при участии пакистанской межведомственной разведки — ISI⁷ (эти слухи хорошо известны и российским специалистам, интервьюирующим афганцев). По мнению многих афганских и российских экспертов, финансирование соответствующей операции ISI шло с Ближнего Востока. То есть, имеет место однотипная операция, сходная с той, что происходила в период формирования «Аль-Каиды» во время советской войны в Афганистане, а затем в период формирования Талибана в 1990-е гг. В ходе всех этих операций звено ISI, связанное с Саудовской Аравией, Катаром и рядом других нефтедобывающих монархий, выступало «менеджером» и распорядителем предоставленных соответствующими монархиями финансовых средств.

Особо активное проникновение ИГ в Афганистан наблюдается на востоке (там эта «за-раза» распространяется через моджахедов-«интернационалистов» арабского и пакистанского происхождения, живущих со времен советской войны в Афганистане и влияющих на местных пуштунов) и на севере страны (там её носителями являются преимущественно подкупленные этнические группировки, в частности узбекские и туркменские, а также часть международных террористов, вернувшихся из Пакистана). Особенно опасна присяга, принесённая ИГ представителями части Исламского движения Узбекистана (ИДУ)⁸, а также — «Имаратом Кавказ» (последний имеет связанные с ним ячейки в Центральной Азии и связанных с ним боевиков в Афганистане и Пакистане). Исторически — это две самые опасные террористические организации постсоветского пространства.

ИГ активно расширяет своё влияние, пользуясь внутренним расколом в Талибанае, сложившемся после смерти муллы Омара. Этому активно способствует обилие у ИГ финансовых средств. По данным В. Герасимова, главы Генштаба РФ, в Афганистане находится связанных с ИГ 2–3 тыс. боевиков⁹. Это создает в перспективе угрозу вторжений через бывшую советско-афганскую границу, ныне границу новых независимых государств Центральной Азии. Особенно эта тенденция становится актуальной в связи с нарастающим разгромом «центра» ИГ в Сирии и Ираке совместными действиями России и США и сложившейся тенденцией к переносу активности ИГ в другие страны мира: Ливию, Нигерию, Афганистан и т. п. В частности, Центральная Азия и Афганистан отнесены в рамках ИГ к «вилаяту Хорасан».

Кроме боевиков ИГ в Афганистане пребывает, по оценкам афганских сил безопасности, переданным Совету Безопасности ООН, около 6 500 иностранных боевиков (основная их масса относительно недавно пришла из Пакистана)¹⁰. В основном это мелкие группировки, связанные с «Аль-Каидой». Тревожная для постсоветских стран тенденция заключается в том, что Талибан и ИГ воюют между собой в основном на востоке Афганистана, в том числе в связи с борьбой за контроль над наркотическими доходами, тогда как на севере страны, не в последнюю очередь усилиями ближневосточных «спонсоров», сложилась тенденция к взаимодействию ИГ, Талибана и ряда мелких группировок, связанных с «Аль-Каидой». Более того, это взаимодействие часто происходит под чёрным знаменем ИГ. В частности, при взятии Кундуза, где участвовали представители всех перечисленных выше групп, первоначально захватчики подняли именно чёрное знамя ИГ, и лишь затем, чтобы раньше времени не пугать северных соседей, поменяли его на белое знамя Талибана.

Активное просачивание ИГ произошло на границу Туркменистана. Там чёрное знамя подняли местные племена туркмен, прежде всего потомки бывших басмачей, бежавших из Центральной Азии в 1920–30 гг. под ударами советских войск. Эти племена всегда были настроены очень антисоветски, а также антисекюлярно, и в период Второй мировой войны немецкой военной разведкой (Абвером) даже планировалось вторжение их в СССР под знаменем «джихада». Поэтому приход денег с Ближнего Востока (по некоторым оценкам из Катара, для того чтобы

⁷ URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan-151101074041755.html>

⁸ URL: <http://palm.newsru.com/world/07aug2015/uzbekistan.html>

⁹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

¹⁰ Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 мая 2015 г. на имя председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С. 9. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

помешать прокладке газопровода ТАПИ и не создавать конкуренцию сжиженному катарскому газу) подхлестнул давнюю неприязнь афганских туркмен к их секулярным соседям на севере, которых они считают наследниками советской власти. Эти обстоятельства, по мнению многих наблюдателей, стали причиной резкой и для многих достаточно неожиданной дестабилизации прежде благополучной туркмено-афганской границы.

Ситуация в остальных частях Афганистана остаётся достаточно сложной. Уменьшающееся военное присутствие американцев воодушевляет талибов, а силы законного правительства в целом демонстрируют неспособность самостоятельно проводить серьёзные военные операции. К тому же имеет место массовое дезертирство из рядов правительственных сил. Уже сейчас 29 % беженцев, приходящих в Европу, идёт из Афганистана, по данному показателю эта страна занимает второе место после Сирии (среди этих беженцев достаточно много офицеров и чиновников, связанных с кабульским правительством). В целом сейчас оппозиционные правительству партизанские силы (прежде всего, афганские талибы) располагают до 50 тыс. человек, объединённых более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности¹¹.

Вторжение «чистых» талибов в Центральную Азию маловероятно даже в случае падения кабульского режима – в том числе и потому, что Талибан распался на большое количество враждующих группировок. Однако это не означает, что такое вторжение не смогут организовать силы ИГ и ряда более мелких групп, связанных с «Аль-Каидой», при попустительстве талибов (как упоминалось выше, такое сотрудничество уже имело место при взятии Кундуза). Такое вторжение уже исторически имело место во время «Баткенской войны» в Киргизии (вход в эту страну отряда ИДУ). Повторение такого рода событий имеет большую вероятность. В частности, это может произойти не только из-за идеологических причин или «подогрева» событий со стороны ближневосточных спонсоров, но и из-за борьбы боевиков за контроль над каналами сбыта наркотиков по Северному маршруту в Россию через Таджикистан, Киргизию и Казахстан.

Сочетание внутренних и внешних угроз для центральноазиатских стран

Угрозы безопасности региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма на афганском и ближневосточном направлении *усиливаются целым рядом негативных внутренних факторов, заставляющих отнести большинство стран региона к «хрупким» государствам (fragile states)*¹². «Хрупкость» государств создаёт потенциал их крушения и образования «несостоявшихся государств» (failed states), не контролирующей собственную территорию. Именно такие государства являются идеальной питательной средой для укоренения радикальных террористических группировок типа ИГ. В связи с этим ниже приведены экспертные оценки ситуации в странах Центральной Азии в The Fragile States Index в 2015 г.¹³

Таблица 2

Страны Центральной Азии в The Fragile States Index, 2015

Страна	Место в мире из 178 стран (более низкое место означает рост угрозы)	Баллы (больше число баллов означает рост угрозы)	Категория
Узбекистан	51/178	85,4	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)
Таджикистан	57 /178	83,4	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)
Киргизия	62/178	82,2	High Warning (Серьёзное предупреждение об угрозах)

¹¹ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

¹² Этот более эвфемистичный термин в последние годы стал употребляться вместо использовавшегося ранее выражения failed states (несостоявшиеся государства). – *Прим. ред*

¹³ The Fragile States Index 2015. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015>

Туркменистан	78/178	77,5	Warning (Предупреждение об угрозах)
Казахстан	110/178	68,3	Low Warning (Предупреждение о не очень серьёзных угрозах)

Приведённые оценки показывают, во-первых, что серьёзная угроза разрушения государственности в Центральной Азии существует (High Warning), хотя она пока и не материализовалась, как это уже произошло во многих странах Африки и Азии. Во-вторых, они свидетельствуют о серьёзной дифференциации стран региона.

Поскольку приведённый индекс основан на экспертных оценках и носит субъективный характер, то интерес представляет, во-первых, его динамика, во-вторых, его сопоставление с российским индексом «Политического атласа МГИМО», построенном на объективных статистических данных. В приведённой ниже *Таблице 3* в этой связи приведены оценки «хрупкости» государств Центральной Азии из западного рейтинга The Fragile States Index (положение относительно других стран) и российского «Политического атласа МГИМО» (тот же показатель). Чем ниже в рейтинге The Fragile States Index стоит страна, тем хуже, так как она приближается к статусу «несостоявшегося государства» (то есть этот индекс перевернутый). Индекс за 2012–2014 гг. показывает примерно сходные оценки с 2015 г. Он оценивает как достаточно опасное положение в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, в то время, как положение в Туркменистане и особенно в Казахстане представляется достаточно благополучным. Российский индекс, напротив, суммирует негативные баллы, а значит, чем ниже итоговое место среди всех 192 стран, вошедших в выборку, тем ситуация с государственностью хуже. С его точки зрения наибольшие риски просматриваются в Киргизии (он вообще занимает предпоследнее место в мире по силе государственности), а также в Таджикистане.

Таблица 3

Сопоставление положения центральноазиатских государств в The Fragile States Index и в Индексе государственности «Политического атласа МГИМО»¹⁴

Страна	The Fragile States Index			Индекс государственности «Политического атласа МГИМО» [9a]
	2012	2013	2014	
Казахстан	107/177	109/178	111/178	111/192
Киргизия	41/177	48/178	58/178	191/192
Таджикистан	46/177	51/178	55/178	172/192
Туркменистан	81/177	81/178	74/178	87/192
Узбекистан	39/177	44/178	48/178	94/192

Среди факторов, способствующих росту угрозы безопасности стран региона, можно обозначить *большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию*. Последняя является основным в мире потребителем афганского героина. При этом экспертам по безопасности хорошо известно, что доходы от наркоторговли часто используются для финансирования терроризма и религиозного экстремизма¹⁵. Наличие этой «связки» известно, например, по упомянутой выше «Баткенской войне», так как вторжение ИДУ в Киргизию было связано, в том числе, с прокладкой маршрутов для торговли героином.

Ещё одним важным фактором, способствующим росту угрозы со стороны радикального исламизма, является *очень высокая коррупция в регионе*. Согласно рейтингу восприятия коррупции международной неправительственной организации Transparency International, все страны региона расположены в самом конце списка, зачастую уступая даже государствам Африки южнее Сахары. Особенно негативно выглядит восприятие международными экспертами Туркменистана и Узбекистана, описываемых как одни из самых коррумпированных государств мира (девят 170 место из 174).

¹⁴ The Fragile States Index 2014. URL: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2014>

¹⁵ US Drug Enforcement Administration DEA Congressional Testimony – Narco-Terrorism: International Drug Trafficking and Terrorism – a Dangerous Mix. URL: <http://www.justice.gov/dea/pubs/cngtest/ct052003.html>, Accessed August 9, 2012.

Таблица 4

Центральноазиатские государства в Индексе восприятия коррупции¹⁶

Страна	The Corruption Perceptions Index		
	2012	2013	2014
Казахстан	133/174	140/177	126/175
Киргизия	154/174	150/177	136/175
Таджикистан	157/174	154/177	152/175
Туркменистан	170/174	168/177	169/175
Узбекистан	170/174	168/177	166/175

Коррупция, во-первых, тесно связана с организованной преступностью, особенно с наркоторговлей, из которой могут финансироваться, как мы уже отмечали, террористические группировки. Во-вторых, она резко снижает эффективность деятельности государственных институтов, в том числе и в борьбе с угрозой со стороны радикального ислама. В-третьих, высокая коррупция и связанное с ней социальное неравенство являются одним из главных пропагандистских аргументов против существующих светских режимов, используемых радикальными исламистами, в том числе и ИГ, в регионе.

Третьим по значимости фактором является *бедность*. Страны региона (особенно, части Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, расположенные в Ферганской долине) характеризуются очень высокой степенью аграрного перенаселения при дефиците воды и плодородной земли. Это ведёт к безработице и скоплению большого количества маргинализованной молодёжи, которая очень легко поддаётся «обработке» со стороны радикальных исламистов. Проблема ещё больше усиливается в связи с деградацией созданных в советское время систем социального обеспечения, образования и медицины. Трудовая миграция в Россию (дававшая до недавнего времени до 50 % ВВП Таджикистана, 33 % ВВП Киргизии и 15 % ВВП Узбекистана) была одним из важных «клапанов», предотвращавших социальный взрыв. Однако девальвация рубля в 2014–2015 гг., а также сокращение спроса на рабочую силу в РФ привели к резкому «иссыканию» этого источника доходов населения. Это, в свою очередь, привело к серьёзному обострению ситуации, особенно в Таджикистане.

Рост бедности наблюдается на фоне тенденции к социально-экономической «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26 % от общей численности населения¹⁷, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

Четвертым кризисным фактором, угрожающим государственности стран региона, является проблема *наличия так называемых персонализированных режимов султанистского типа* [14], существующих на фоне «клановых систем», определяющих внутриэлитные сетевые конфигурации [12]. Соответствующие системы можно считать разновидностью «гибридных режимов», исторически сложившихся на постсоветском пространстве [9] (один из вариантов определения таких систем — «суверенные демократии» [8]).

Ко всему вышперечисленному можно добавить *наличие серьёзных межгосударственных конфликтов* из-за воды между вышележащими (Таджикистаном, Киргизией) и нижележащими (Узбекистаном, в меньшей степени Туркменистаном и Казахстаном) по течению рек странами [3]. Эти конфликты серьёзно затрудняют сотрудничество стран региона, в том числе и в борьбе с угрозами безопасности.

Одновременно влиятельные в регионе великие державы (Россия, США, Китай, ЕС, исламские страны) вовлечены в борьбу за влияние в регионе [4]. *Конфликты между их интересами могут в худшем случае усилить угрозы безопасности, а в лучшем случае — нейтрализуют усилия великих держав по помощи странам региона в преодолении различных вызовов.*

¹⁶ URL: <https://www.transparency.org/research/cpi/overview>

¹⁷ URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html

Эта ситуация многовекторности [1] представляет собой особый вызов для внешней политики России в регионе дополнительно к угрозам безопасности, которые в нём возникают [13]. России в этой ситуации приходится не только обеспечивать безопасность соседнего с ней региона в рамках деятельности ОДКБ, но и «вкладываться» в политику сохранения своей «мягкой силы» в соответствующей части мира [2]. А это, в свою очередь, связано как с экономической ролью российских мегаполисов, являющихся точками притяжения для центральноазиатской трудовой миграции [11], так и с процессами формирования национальной идентичности россиян [7] (инклюзивной или эксклюзивной по отношению к представителям Центральной Азии).

Роль религиозного фактора: национальные и региональные особенности стран Центральной Азии

Как отметил известный киргизский богослов Кадыр Маликов, в Центральной Азии наблюдается массовое «разочарование в светских институтах власти и в традиционном духовенстве. Традиционное духовенство не может адекватно отвечать на современные политические вопросы, оно ограничено исключительно исполнением обрядов. Отвечать на вопросы, связанные с политикой, джихадом, они не могут, будучи в этих областях некомпетентными. Вдобавок к этому всему можно упомянуть высокий уровень коррупции, в особенности в правоохранительных органах, несправедливость суда, общую слабость государства, существующие социальные проблемы... Это всё накладывает определённый отпечаток. И в этом отношении в Центральной Азии складываются все условия для радикализации»¹⁸.

Мировоззренческий кризис, характерный отнюдь не только для Центральной Азии, но и для всех стран постсоветского пространства (да и не только для него), проявляется в том, что отнюдь не всегда в ИГ и другие террористические структуры уходят самые обездоленные (хотя есть и такие примеры, особенно среди гастарбайтеров). Есть много примеров людей, даже имевших собственный бизнес. Эти бизнесмены увозили свои средства в Сирию и Ирак и отдавали их там на нужды радикальных группировок¹⁹.

После получения независимости государства региона в лице правящих элит активно поддерживают политически приемлемые для них формы мусульманской религии, пытаясь таким образом создать национальные формы ислама, легитимирующие существующие политические системы светских государств.

Наиболее тревожная ситуация в плане потенциала распространения нестабильности и влияния радикального ислама сложилась в настоящее время в Таджикистане. Здесь среди специфических негативных факторов следует отметить соседство с Афганистаном, особенно сложную социально-экономическую ситуацию, а также до сих пор сказывающиеся разрушительные последствия гражданской войны первой половины 1990-х гг.

Одновременно наблюдается ускорение радикализации в обществе, в частности, затронувшее и правоохранительные органы. Наиболее вопиющим в этом плане фактом в 2015 г. было дезертирство и уход в «Исламское государство» в Сирии и Ираке полковника ОМОН Гулмурода Халимова. Осенью 2015 г. имел место военный мятеж, который возглавил заместитель министра обороны генерал-майор Абдухалим Назарзода. Этот мятеж официальные власти также связали с влиянием радикального ислама. Достаточно слабым представляется территориальный контроль центрального правительства над рядом регионов Таджикистана, в частности Горным Бадахшаном. Охрана таджико-афганской границы после ухода российских пограничников также достаточно слаба, что опасно с учётом ускоренной дестабилизации обстановки в приграничных регионах Афганистана.

Определённую опасность в плане распространения радикального ислама представляют и «перегибы» правительства в борьбе с исламизмом. К ним можно отнести массовое закрытие мечетей, введение жёсткого «дресс-кода», противоречащего исламским традициям, и запрет умеренной Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Перечисленные меры могут привести к усилению радикального исламистского подполья.

Киргизия также подвергается серьёзным угрозам. К числу специфических для данной страны рисков можно отнести геополитический раскол страны на север и юг. Государственные структуры этой страны, как показала, в частности, упоминавшаяся выше «Баткенская война»,

¹⁸ Кадыр Маликов об исламской угрозе в ЦА. URL: <http://www.islamsng.com/authors/Malikov/9334.01.07.2015>

¹⁹ Там же.

отличаются традиционной слабостью, которая ещё больше усилилась после имевших место двух революций (2005 и 2010 гг.). Наибольшие риски радикального исламизма имеются на юге страны, особенно среди многочисленной узбекской диаспоры. К тому же ситуация здесь усложняется острым межэтническим конфликтом между киргизами и узбеками, который привёл к погромам в 2010 г.

Ситуация в Туркменистане традиционно считалась одной из самых стабильных в регионе (это демонстрируют и приведённые выше рейтинги государственности). Тем не менее в 2014–2015 гг. имеет место серьёзное ухудшение ситуации, связанное с тяжелой ситуацией на туркменско-афганской границе, куда проникло «Исламское государство» [5, с. 35–37]. В этой ситуации официальный нейтральный статус Туркменистана начинает демонстрировать свои негативные стороны. У страны нет сильной армии для защиты границы, а обращение за военной помощью, в частности к России, противоречит концепции нейтралитета. Ситуация внутри страны тоже неблагоприятна. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что согласно приведённым выше в тексте данным по числу боевиков в Сирии и Ираке по относительному показателю (число боевиков-террористов на 1 млн жителей) Туркменистан занимает первое место на постсоветском пространстве.

Ситуация в Узбекистане в плане противостояния государства и экстремистских направлений ислама характеризуется существенными противоречиями. С одной стороны, Узбекистан является местом происхождения сильнейших в регионе экстремистских группировок, таких как ИДУ. В 1999 г. в Ташкенте имели место массовые теракты, организованные ИДУ (тогда эта организация была связана с «Аль-Каидой»). В мае 2005 г. в Андижане (Ферганская долина) имело место восстание, организованное радикальной исламистской организацией «Акрамия» (*Акримийлар*). С другой стороны, мощные силовые структуры и общая репрессивная политика государства привели к тому, что деятельность религиозных экстремистов в стране находится под определённым контролем.

В настоящее время на фоне обостряющегося социально-экономического кризиса в стране наблюдается определённый рост исламистской пропаганды и террористической активности. Узбекистан занимает на постсоветском пространстве второе место после России по числу боевиков, уехавших воевать в Сирию и Ирак. Сложность проблемы роста религиозного экстремизма в Узбекистане связана, в том числе, и с клановой политикой. В Узбекистане существует традиционное «разделение труда» между региональными кланами, которое характеризуется пословицей: «Самаркандец правит, ташкентец считает деньги, ферганец молится». Эта поговорка подчёркивает особую роль ислама именно в Ферганской долине, а также факт того, что ключевые духовные лица в Узбекистане традиционно – из Ферганской долины. В ходе постсоветской эволюции политической системы страны к власти твёрдо пришли самаркандский (к нему относится сам президент) и ташкентский (он контролирует экономику) кланы. Поэтому ферганский клан, по мнению многих экспертов, традиционно использовал угрозу исламского экстремизма как способ повышения собственного влияния. Понимание этих внутриклановых «раскладов» очень важно в свете возможности обострения межклановой борьбы после смерти И. Каримова.

Казахстан является наиболее благополучной страной региона с точки зрения проблемы распространения религиозного радикализма. Это объясняется следующими специфическими факторами: стабильным состоянием экономики (порядка 2/3 ВВП стран Центральной Азии производится в Казахстане), достаточно высокой степенью модернизации общества в советский период, наличием большой прослойки русскоязычного населения, а также историческими традициями распространения ислама среди казахов.

Критически важной с точки зрения распространения радикального ислама является ситуация в двух регионах. В Южном Казахстане, относящемся к «оседлой зоне», влияние исламских институтов в жизни общества традиционно было сильно. Процессы возрождения ислама в этом регионе стали сопровождаться и появлением «нетрадиционных» его форм, в частности салафизма. Ещё более сложная ситуация в последние годы складывается в Западном Казахстане. Интенсивное промышленное освоение нефтегазовых запасов региона привело к тому, что он стал местом концентрации социально маргинализированных групп, особенно мигрантов (среди них особенно заметны оралманы – этнические казахи, возвращающихся в Казахстан зачастую из довольно отсталых стран). О сложной ситуации в регионе свидетельствуют рабочие волнения в Жанаозене в 2011 г. (они, правда, не имели исламской компоненты). В этой сложной среде есть потенциал для роста влияния радикальных исламистских группировок.

Таким образом, подводя итог проведённому выше анализу, можно отметить следующие ключевые факторы, сказывающиеся на росте террористической угрозы на центральноазиатско-афганском направлении.

1. В настоящий момент сложилась серьёзная угроза возврата центральноазиатских боевиков из «горячих точек» современного мира, прежде всего с Ближнего Востока.
2. В настоящее время ситуация в Афганистане характеризуется тенденцией к серьёзному росту нестабильности. Это создает серьёзную угрозу странам постсоветской Центральной Азии.
3. Ситуация в Центральной Азии характеризуется сочетанием целого ряда внутренних и внешних угроз, к числу которых можно отнести: хрупкость ряда государств, большие объёмы наркоторговли по северному маршруту транспортировки наркотиков из Афганистана в Россию, высокая коррупция, тенденция к «демодернизации», наличие серьёзных межгосударственных конфликтов как между странами Центральной Азии, так и между вовлечёнными в регион великими державами.
4. Потенциал развития религиозного экстремизма различен в разных странах Центральной Азии. Наибольшие опасения у экспертов представляет ситуация в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане; в Казахстане и Киргизии проблемы в этом плане есть в ряде регионов.

The Threat of International Terrorism in the Central Asian and Afghan Direction: Key Factors

Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute for International Studies,
MGIMO University, 119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru

Summary. *The article deals with analysis of the factors affecting the growth of terrorist threat to Russia from Central Asian and Afghan direction. The author of the paper defines and analyzes the following key factors.*

1. Threat of return of Central Asian terrorist fighters from the Middle East and other conflict zones of the world. 2. Serious growth of instability in Afghanistan that provokes the threat of incursions of terrorists into the countries of Central Asia. 3. Critical connection of some external and internal threats to Central Asian security, which includes: state fragility, drug transportation from Afghanistan to Russia through the Northern Route, high corruption, demodernization of socio-economic sphere, serious interstate conflicts between Central Asian states themselves as well as between the key world powers involved into Central Asian affairs. 4. Serious potential of development of religious extremism in Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan, as well as in some regions of Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Keywords: *Central Asia, Afghanistan, drug trafficking, internal and external threats, religious extremism.*

Литература / References

1. Алексеева Т. А., Казанцев А. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. — М., 2012.
2. Беспалов С. В., Власов А. В., Голубцов П. В., Казанцев А. А., Караваев А. В., Меркушев В. Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. — М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.
3. Проблемы пресной воды. Глобальный контекст политики России. Экспертно-аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 62–70.
4. *Боришполец К. П.* Геополитика Центральной Азии // Мир перемен. — 2008. № 3. — С. 182–185.
5. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы // Аналитические доклады. Институт международных исследований. — М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 1 (45).
6. *Казанцев А. А.* Грамматика русской идеи, или как создавать новые идеологии в России // Полис. Политические исследования. — 2010. № 3. — С. 100–113.
7. *Казанцев А. А.* Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. — 2007. № 7–8. — С. 84–90.
8. *Казанцев А. А.* Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий //

- Полис. Политические исследования. – 2001. № 5. – С. 116–122.
9. *Казанцев А. А.* Центральная Азия: Светская государственность перед вызовом радикального ислама // Валдайская записка. – 2016. № 2 (42). URL: <http://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/central-asia-secular-statehood-challenged-by-radical-islam/>
- 9а. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007.
10. *Сергеев В. М., Кузьмин А. С., Алексеенкова Е. С., Казанцев А. А.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. Политические исследования. – 2007. № 2. – С. 31–43.
11. *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
12. *Kazantsev A.* Russian policy in Central Asia and the Caspian Sea region // Europe-Asia Studies. 2008. Т. 60. № 6. P. 1073–1088.
13. Sultanistic Regimes / Ed. by Н.Е. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
14. Syria Calling: Radicalization in Central Asia // Europe and Central Asia Briefing N°72 Bishkek/Brussels, 20 January 2015/